

АНАТОМИЯ ЖИЗНИ

"Через трогательную маску непутевого человека проступают черты его собственного характера, его собственной судьбы", — написал когда-то про своего близкого друга известный писатель-сатирик Григорий Горин. Вернувшись с похорон самого Горина, Семен Фарада заперся дома. Он ничего не говорил, не плакал, переживая свою боль внутри, а на следующий день просто рухнул на пол. У него отнялась правая половина туловища, он больше не мог сказать ни слова. "Инсульт", — увозя актера на "скорой", поставили малоутешительный диагноз врачи. С тех пор он сменил уже девять больниц...

Об этой встрече мы договаривались несколько месяцев. "Сенечке опять плохо, я еду к нему", — грустно говорила мне жена Фарады Мария Витальевна. "Ой, ну кажется, его скоро выпишут! Подождите еще немножко", — утешала она скорее саму себя еще через пару недель. А потом — снова: "Сенечка опять плох".

Я уже и сама не понимала, почему с такой настойчивостью добиваюсь этой встречи. Может быть, потому, что лет пятнадцать назад, будучи школьницей, занималась в его театральном кружке и тихо млела, когда он травил анекдоты или корчил смешные рожи, по-отечески одобряя наши более чем скромные актерские потуги. А может, потому, что по-человечески было обидно, когда наших великих актеров в тяжелую минуту все вдруг забывают. Вот и теперь — весь январь из "ящика" несется его задиристое "У-но моме-н-то!!!" и беспомощное: "Люди! Ауй!", а о самом актере уже давно не вспоминают...

— Когда Сеня чуть отошел от инсульта, то попросил, чтобы я сняла со стены все фотографии — и его, и наших друзей. Я аккуратно сложила их в стопочку, — рассказывает Мария Витальевна. — Сейчас я понимаю: наверное, это был жест отчаяния. Сенечка и до болезни был мнительным, трагически воспринимал действительность. Это на людях и в кино словосочетание "Семен Фарада" означало улыбку и смех. Дома он, как Чарли Чаплин, чаще замкнут и задумчив.

Несерьезный Бог

— Почему вы стали артистом?
Вот и я думаю: судьба, наверное?
Из книги Семена Фарады "Уно момент!"

Сейчас его сцена — светлые больничные коридоры. Зрители — такие же, как он, товарищи по несчастью, доктора и самые близкие. Занавес — не тяжелая пурпурная ткань, а беспомощные слова врачей: "Нужно надеяться". Уже полтора года Театр на Таганке живет без Семена Фарады. Как только любимого артиста выписывают из больницы домой, он звонит на работу и говорит, что скоро вернется на сцену. Его ждут, но он снова не выходит.

"УНО МОМЕНТО"

сью "Юнг", что в переводе с немецкого означает "молодой". Потом — звонки в дверь: приходят его любимые друзья, все родом из юности. Кто вместе с ним служил в морфлоте, кто играл в студии "Наш дом", кто учился в Бауманке... Всей гурьбой они направляются в баню. После такой "культурной программы" Фарада обычно не досиживает до боя курантов, и все семейство смотрит "Голубой огонек" под оливье уже без главы семейства.

— Баня для него — святое. Так же, как и футбол, — рассказывает Мария Витальевна. — Мяч он гонял всегда: в армии, в институте, а до последнего времени сражался за Центральный спортивный клуб артистов. Не может сидеть без дела, развалившись на диване и уткнувшись в книгу.

Судьба актера — как судьба футболиста. Играешь — ты всем нужен, тебя ценят. Не играешь, постарел — не нужен никому. В том числе и государству. Семен Фарада так считал всегда. Лишний раз убедился в своей правоте, когда постарел и стал никому не нужным его кумир — Георгий Вицин, которого он считал гениальным актером.

Однажды на "Юморе", в фойе, Фарада увидел, как Вицин фотографируется со зрителями, позирует, демонстрируя перед объективом свою "именную" мишуру. К нему стояла огромная очередь. Тогда и Фараду спросили: "А вы не хотите сфотографироваться?..". Он ответил, что еще не дорос до вицинской славы, чтобы позволить себе такое. А потом понял, что Вицин, наверное, был вынужден сниматься — "работать лицом", чтобы его не забывали и чтобы было на что жить. Позднее и Фараде пришлось переступить через себя и засветиться в рекламе. Сначала актер долго сомневался, но, съез-

НЕПУТЕВОГО ЧЕЛОВЕКА

Семен Фарада (правда, тогда он был еще Сеней Фердманом) учился в Бауманке, на энергетическом факультете, хотя мечтал стать артистом, но его мама, по профессии фармацевт, была категорически против. Считала, что лицедейство — это несерьезно. То ли дело инженер... Против была судьба: "непутевого Сенью" то и дело пытались отчислить за задолженности и безудержную любовь к самодельности. В результате неудачливый второкурсник загремел в морфлот. Но драить палубу и болтаться в море ему не пришлось. Мудрые матросы использовали его по назначению: в краснознаменном ансамбле Балтийского флота он руководил эстрадной группой, в которой был единственным исполнителем. Командование флотом смеялось до слез, когда он выступал со своими миниатюрами. В результате Фарада вернулся со службы с двумя рекомендательными письмами: к Юрию Завадскому и Аркадию Райкину. Путь к Мельпомене был открыт, но что бы сказала мама?.. Образцовому сыну пришлось с грехом пополам закончить обещанный ей вуз и с дипломом инженера-механика по котельным установкам поступить на работу в конструкторское бюро аэропорта "Внуково". "Мучиться" пришлось недолго: через год его как лауреата конкурсов студенческой самодельности пригласил к себе Марк Розовский — в Театр-студию при МГУ "Наш дом". Здесь было много "нездешних": врачи Аркадий Арканов и Григорий Горин, инженеры Аркадий Хайт, Александр Курляндский, Александр Филиппенко, Владимир Тоцилин, выпускник энергетического института Илья Рутберг... "Убойный" коллективчик проводил "Вечера русской сатиры". Здесь ставились искрометные спектакли, больше напоминавшие капустники. Фарада требовал серьезных работ, но Розовский давал ему только комедийные роли:

— Старик, на твоём лице написано: для тебя нет серьезных ролей, — не устал повторять неугомонному Сене режиссер.

Так родился образ дурашливого озорника с большими, умными и печальными глазами. Братство веселых, легких, талантливых людей просуществовало недолго: карнавалом пролетело восемь лет, и студию закрыли.

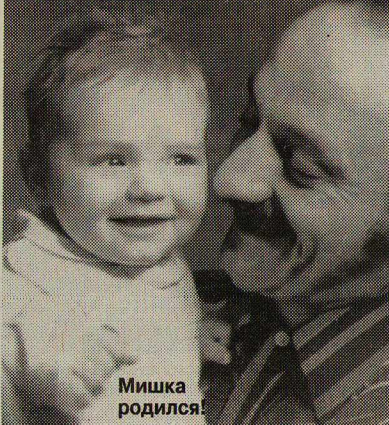
Потом в жизни Фарады случился Театр на Таганке. Юрий Любимов не прогадал, взяв в штат непрофессионального актера. Почти в каждой премьере для него находилась роль — не главная, но яркая и запоминающаяся. Понеслось вереницей: второй Бог в "Добром человеке из Сезуана", Несчастливцев в "Бенефисе", сваха в "Женитьбе Бальзамина". "Мастер и Маргарита", "Живой", "Владимир Высоцкий", "А зори здесь тихие", "Десять дней, которые потрясли мир"...

С успехом на театральном поприще не могла смириться одна мама. Только через несколько лет его работы на сцене Таганки она пришла на спектакль и — неожиданно приняла. Поняла: судьба, наверное...

Сухое молоко от Высоцкого

Я очень переживал оттого, что у меня не было детей, и в глубине души мечтал о сыне.
Из книги Семена Фарады "Уно момент!"

Не было бы Таганки — он не встретил бы ее. Типичный еврейский мальчик, он больше всего на свете любил мамочку. Вот и проходил до сорока лет в холостяцком. Но актриса Мария Полицеймако, которая уже успела побывать замужем и родить сына, обладала главным качеством — не мешала сумасшедшей сыновней любви. Наоборот, пони-

Мишка родился!

мала и ценила его за такую преданность, потому что сама обожала свою мать.

Когда они поженились, то решили объединить семьи. Мария (родом из актерской семьи: отец — народный артист СССР Виталий Полицеймако, мать — известная артистка Ленинградской филармонии Евгения Фиш) продала квартиру матери в Питере, Семен — свою в Москве. И они купили одну большую, на Садовом, где поселились обе мамы, "молодожены", сын Полицеймако от первого брака, а вскоре появился маленький Мишка. Наступила идиллия. Ей было 39, ему 43.

— Когда я родила Мишу, он чуть не умер от счастья, — рассказывает Мария Витальевна. — Помню, как после рождения малыша у меня начался мастит, и он в перерывах между репетициями бегал за молоком. Володя Высоцкий был единственным из наших актеров, кто имел доступ к валютным магазинам. Когда он увидел, что на Сене нет лица — так он переживал за Мишку, — купил нам в "валютке" банку сухого датского молока, которого нам хватило на несколько месяцев.

Он отдавал сыну все свободное время. Научил играть в футбол, возил в музыкальную школу. Боролся с его детской аллергией и возил в Коктебель. Под его давлением Мишка и школу закончил, хотя очень сопротивлялся. Сегодня Михаилу 25 лет, и он работает в Российском академическом молодежном театре. Уже по собственной инициативе закончил ГИТИС и повторил папину с маминной "лав стори": свою "вторую половинку" Ольгу Миша тоже первый раз увидел на сцене своего же театра. А вот фамилию он взял матери.

— Отец настоял, — объясняет жена. — Чтобы меньше проблем в жизни было, как у Сенечки в свое время. Ведь Фарада — это псевдоним.

Как Сеня Фердман стал Фарадой

Когда мне говорят: "Вы — звезда!" — отвечаю: "Нет, я не звезда. Я — Млечный Путь".

Из книги Семена Фарады "Уно момент!"

Его первое появление на телеэкране — вовсе не "Гараж" и не "Тот самый Мюнхгаузен", по которым смешной усатый персонаж "кавказской национальности" запомнился зрителям. А детская передача "АБВГДейка", в которой он снимался в свободное от эстрадной студии время. Ему сразу понравилась идея Эдуарда Успенского: через игры и хохмы учить детей новым словам и правилам правописания. Там он играл себя — грустного клоуна Сенью. Этот проект просуществовал недолго. В то время председатель Гостелерадио товарищ Лапин, как-то посмотрев про-

На свадьбе сына.

Семен ФАРАДА: "Я не звезда, я — Млечный Путь"

грамму, изрек что-то типа: "Плохо! Где вы видели клоуна с таким носом?!" Он имел в виду орлиный профиль Фердмана. Не говоря уже о фамилии... Нос-то "подтянули", в смысле "зарисовали", но война уже была объявлена, и грустный клоун скоро ушел из программы. Собственно, Фарадой Сеня Фердман стал только в 1972 году, уже после того, как засветился в малоизвестном сейчас фильме "Каникулы в каменном веке".

— На "Таджикфильме" снимали патристическое кино "Вперед, гвардейцы!", — рассказывает Мария Витальевна. — После окончания съемок Сенью вызвал директор и заявил, что не может написать фамилию Фердман в титрах. Сеня возмутился: мол, украинские, литовские ставите же!.. Директор ответил: у них, в отличие от вас, есть свои республи. Тогда Сеня сказал, чтобы сами придумали какую-нибудь шараду. Так и появилось: шарада-Фарада.

Успех к Фараде пришел только с Марком Захаровым. Ему было уже 50, когда вышли на экран знаменитые "Чародеи" и "Формула любви". С тех пор его имя перестали включать в титры под безликим "и другие". Писали крупно: Семен Фарада. И зрители знали, что им предстоит увидеть что-то веселое и смешное.

Фарада же, снявшись почти в ста пятидесяти фильмах, всегда мечтал о трагикомической роли. Судьба ответила ему взаимностью только один раз. В 1990 году в прокат вышел фильм "Попугай, говорящий на идиш" Эфраима Севелы. Он стал его самым любимым творением и единственной кинолентой, где Семен Львович снимался вместе с женой — в роли портного, влюбленного в героиню, у которой был маленький сын; для него преданный мастер шил брючки и пиджачки. Потом мальчик вырос, началась война, которая превратила в руины не только город его детства, но и воспоминания. И только старый и смешной портной, как верный пес, сохранил любовь к его матери и ее портрет.

— Вот и Сеня такой же человек: необычайно чуткий, отзывчивый и верный, — рассказывает жена. — Он не считает себя звездой. Для посторонних — замкнутый и закрытый. Но если кого-то любит, то самоотверженно и на всю жизнь.

Актерская лапша

Что нужно для жизни и счастья? Мне — немного, чтобы хватало на еду и на ремонт моего старенького автомобиля.

Из книги Семена Фарады "Уно момент!"

31 декабря в семействе Фарады — двойной праздник: Новый год и день рождения папы. В этот день на протяжении уже многих лет в квартире на Садовом повторяется одно и то же. С самого утра Фарада натягивает свою любимую теплую майку с надпи-

див в Америку и увидев на каждом углу портреты Джека Николсона с сигаретой известной марки в зубах, решил не отказываться.

— Театр в наше время — удовольствие и большая роскошь, — тяжело вздыхает Мария Витальевна. — На эти деньги не прожизнешь. Поэтому и появилась лапша, свисавшая с его ушей.

"Как там в театре?"

Наша жизнь полна сложностей и загадок. Бывает, иногда сделаешь что-нибудь редкое, хорошее, но ненужное. И самому же хуже.

Из книги Семена Фарады "Уно момент!"

С этой фразы он начинал свои эстрадные выступления. И маску непутевого человека выбрал по совету своего друга Григория Горина. А потом, как сам не раз признавался, "здорово прилип к ней" и даже сделал из нее кресто своего сценического образа.

В обычной же жизни Семена Фараду никак нельзя назвать неудачником: чрезвычайно деятельному, ему вечно не хватало времени. Подъем в семь утра, прогулка с собакой, массаж, бассейн, футбол, репетиции, съемки, спектакли... Он не мыслит себя без работы. А тут на 65-летний юбилей доктора преподнесли "сюрприз": сказали, что необходима операция, и поставили в сердце искусственный клапан. Другого выхода не было, ведь у актера врожденный порок сердца. Перед сном, лежа в кровати, он прислушивался, как работает инородный механизм. А вдруг перестанет "тикать"? Сможет ли он завтра выйти на сцену?.. Потом обрушилось: только оправился после инсульта и уже ходил по своей большой квартире, как снова попал в больницу — с переломом шейки бедра. Верный пес, старый Рик, решил поиграть с его палкой и схватил ее зубами. Фарада не удержался и упал. Опять доктора, товарищи по несчастью и больничные коридоры. Трагедия никак не хочет заживать, то и дело подсакивает давление... Он не жалуется на боли — наоборот, все время подбадривает жену и травит анекдоты. Она же видит, как он сильно переживает, что прикован к больничной койке, не может помочь семье. И все время спрашивает: "Как там в театре?"

Всего четыре реплики в "Чародеях". Чуть больше — в "Формуле любви". Но созданные им образы невозможно забыть. Может, потому, что нам всем не хватает смелости помяться над собой. "Непутевый человек" Семен Фарада не боится. И даже сейчас смеется над своей болезнью.

— Самоирония, оценка себя, своей негероической внешности, немногословность — в этом весь Сеня. Сейчас мое самое большое желание — помочь ему. Чтобы он мог жить и творить, — говорит его жена. — Ведь для него самая большая трагедия — беспомощность.

...А недавно у Фарады родился внук. Так получилось, что судьба подарила ему маленького Никиту за день до того, как он в очередной раз попал в больницу.

Оксана СЕМЕНОВА.